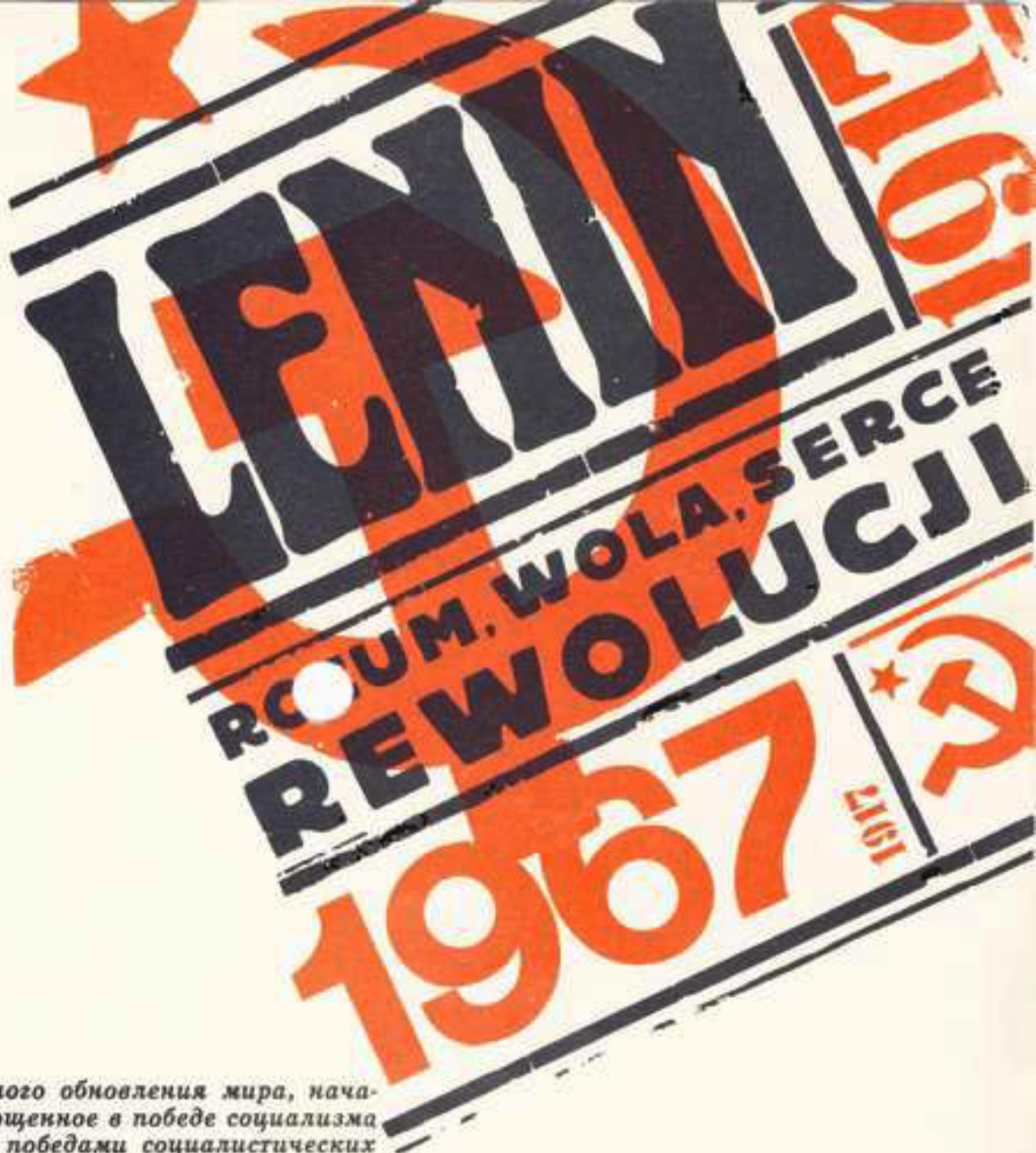

8 кругозор 67

**по
меридианам
дружбы**

специальный
выпуск
«Кругозора»

Дело революционного обновления мира, начатое Октябрем и воплощенное в победе социализма в СССР, продолжено победами социалистических революций в других странах. Образование мировой социалистической системы — крупнейшее историческое событие после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Из Тезисов Центрального Комитета КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

1917—1967

главная улица-социализм

Это немного парадно — жить на главной улице города. В цоколях твоего дома бьют прибор народных шествий. События, волнуящие страну или сотрясающие планету, вскипают десятками пристрастных дискуссий у газетных киосков. И если приезжий задаст тебе вопрос о жизни этой улицы, ты никогда не станешь рассказывать о житье-бытье твоего соседа по лестничной клетке. Тебе придет на ум самое важное, что занимает город, а может быть, и страну. Ведь ты полпред Главной улицы.

Но вот мы решили рассказать о магистрали, которая прочерчивает не один город, не одну страну, даже не один материк. И выяснилось, что главный проспект, соединяющий на карте города, удаленные друг от друга сотнями, тысячами километров, заключил и значительность главных улиц, и общность интересов, связывающих разрозненных ее жителей.

Мы разговаривали с людьми на столичных улицах стран социализма. И когда записанные на пленку беседы были соединены в одну ленту, на ней зазвучали волнения, заботы, планы главной планетной магистрали...

Эта планетная магистраль проходит в наших сердцах, сплела нашим разумом.

У нас, советских людей, есть ощущение кровной схожести биографий братских государств. Это и не удивительно: страны социалистического лагеря выбрали в себя опыт построения социализма в СССР. Кроме того, действенная поддержка и помощь Советского Союза сделали всех нас участниками свершений, которые достигнуты этими странами.

«Теперь уже на примере многих народов доказано, что переход от капитализма к социализму присущ ряд общих закономерностей, которые впервые проявились в ходе социалистических преобразований в СССР», — сказано в Тезисах Центрального Комитета КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

Далее в Тезисах говорится: «Подтвердился и тот факт, что

каждый народ вносит много нового в формы и способы этого перехода». Поэтому второе чувство, которое возникает у тебя, — это сознание того, что ты владеец коллективного опыта, общих достижений ныне уже многогосударственного нового мира.

Интернационализм, пролетарское родство, которое сильнее просто соседских уз, дает человеку, стране не только чувство уверенности, но и чувство ответственности за судьбу другого народа, которому ты должен помочь в борьбе за общие идеалы.

Оттого каждый собеседник на Главной улице социализма равно волнуют и проблемы индустриализации Польши и просветительская революция на Кубе. И нет в этих мирных кварталах человека, слух и сердце которого не возмутили бы взрывы американских бомб, разворотивших мостовые Ханоя.

У нас есть общие институты, призванные укреплять и сохранять наше единство. Совет Экономической Взаимопомощи, организации Варшавского договора и другие. Наша дружба, сотрудничество и взаимопомощь скреплены Договорами. Руководители братских партий и правительств социалистических стран постоянно консультируются по важнейшим вопросам современности. Мы едины в верности марксистско-ленинской идеологии. У нас есть общность культурных завоеваний. И обобщенность статистики, которая может даять миру неопровержимую эффективность социалистического метода производства.

Но, пожалуй, не менее важно и то, что наша общность проявляется в рождении человека нового мира, нравственный и духовный облик которого был неведом всем предшествующим цивилизациям и государственному устройствам.

И потому, о чем бы ни говорили наши собеседники, это были раздумья полпредов нового мира на гигантской магистрали планеты — Главной улице социализма.

Слушайте первую и вторую звуковые страницы.

Дети рисуют очень синее море и очень зеленую зелень. Они максималисты. Дети рисуют так, как чувствуют. Мама очень красивая. Море очень ласковое.

В оккупацию, в фашистских концлагерях, раскинутых по всей Европе, дети рисовали хлеб. Не желтые нивы с плывущими над ними облаками. Хлеб — с коркой и порами от дрожжей. Довоенный хлеб. Еще они рисовали суп. Миску супа и ломоть хлеба. И себя. Лицо — за колючей проволокой. Рисовали, как видели.

Сегодня на их рисунках бродят карнавалы, улыбаются длинные, ширококранивые тигры, наслаждаются материнством куклы. И всегда очень зеленые деревья и очень синее море.

Дети социализма рисуют мечту. И в этом для них безграничность наших возможностей, наша крылатость. Дети социализма учатся говорить по-русски, и их голоса вы сможете услышать на третьей звуковой странице.

дети рисуют детство

Миряна Шлинович, Югославия. «Летом».
Берн Асмус, Берлин. «Москва».
Стась Шамотульский, Польша. «Сибирский охотник».

ПОЧЕРК
СЧАСТЬЯ:
1967.

Стефан ХЕРМЛИН

ника самофракийская

Это стихотворение, посвященное античной богине Победы, изваяние которой находится в Лувре, известный немецкий поэт Хермлин (ГДР) написал в Париже в 1942 году, в дни фашистской оккупации. Хермлин был бойцом французского Сопротивления.

Как тянут ввысь бесчисленные ступени!
Холодный мрамор источает зной.
Исчезла даль. Исчезли свет и тени,
Захлестнутые этой белизной.

Что нас влечет? Какою силой ныне
Навек прикован восхищенный глаз
К ее стопе? К шагающей богине,
Чье восхождение принижает нас?

Уже в лицо нам ужасом дохнуло:
Одна ступень и дальше — ничего!..
И вдруг удар! То крылья распахнуло
В могучем взлете наше естество.

Бушует бой. И, властвуя над ним,
Богиня торжествует: Победим!

Перевел с немецкого Лев Гинзбург.

А. ЖОЛКВЕР,
корреспондент
Всесоюзного
радио

Главный архитектор города профессор Нетер провел нас к макету, и мы увидели будущее демократического Берлина.

— Наш генеральный план разбит на три этапа,— поясняет профессор,— он разработан во всех деталях, и дело, как говорится, за немногим — осуществить его. До 1970 года мы будем заниматься центром Берлина. Уже застроены новыми зданиями два проспекта — Карла Маркса и знаменитый Унтер ден Линден. Полностью реконструируется самая оживленная площадь города — Александр-плац. Здесь сооружается тоннель, по которому пойдет основной поток уличного движения, а у подножия строящейся 360-метровой радиобашни поднимется несколько небоскребов.

После реконструкции центра его население удвоится.

Второй этап — до 1980 года — застройка крупнейшего жилого и промышленного берлинского района Лихтенберг. Одновременно с этим мы будем разрабатывать задачи на период после 1980 года.

Берлинцы шутят: сейчас в городе самая распространенная улица «умляйтунг» — объезд. Эти указатели действительно часто встречаются на многих улицах нашего города. Да это и не удивительно.

Мы много строим.

Все больше и больше людей из других стран приезжает в первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян. Они видят новые промышленные комплексы, видят кварталы новостроек и не скрывают своего восхищения успехами нашего государства.

И многие наши гости — одни с радостью, другие с удивлением, а некоторые приезжие и со скрытой злобой — понимают, каких вершин может добиться народ, вставший на путь социализма.

Берлин.

Берлинская вертикаль

Страницы
из
вьетнамского
дневника
Г. Должитовского —
на
четвертой
закрытой
странице

ЗЕМЛЯ- НЕБО

Невысокий холмик красноватой земли, искореженная турбина «Фантома». Это могила американского летчика, чей самолет был сбит здесь, над горной деревушкой вьетнамской провинции Хоабинь.

Хоабинь — по-вьетнамски значит мир. Американский пилот нес в Хоабинь смерть. Справедливая кара настигла его, когда он сбрасывал бомбы на крестьянские хижинки. Его имя неизвестно: документы сгорели. И вот — безымянная могила на вьетнамской земле, за тысячи километров от США...

...Почти двадцать лет назад ушел из своей деревни в Южном Вьетнаме юноша Нгуен Ван Бай. Впервые я увидел Нгуен Ван Бай на Н-ском аэродроме близ Ханоя, когда он только что возвратился после очередного боевого вылета (на снимке — справа). На фюзеляже его «МИГа» — четыре золотые звезды. Нгуен Ван Бай — замечательный летчик, Герой ДРВ.

«Советский «МИГ» — великолепная машина, — сказал Нгуен Ван Бай. — С такой техникой можно поражать агрессоров в любых условиях». Он продолжал: «Вот уже двенадцать лет я не имею никаких вестей от своих родных из Южного Вьетнама. Мои братья, наверное, в партизанах. Я знаю: каждый сбитый стервятник приближает час нашей встречи».

Летчики, зенитчики, ракетчики, бойцы народного ополчения ДРВ бдительно стерегут небо своей родины.

В центре Ханоя — озеро Возвращенного меча. По преданию, на дне его хранится меч легендарного героя Ле Лоя, всю жизнь сражавшегося против чужеземных поработителей.

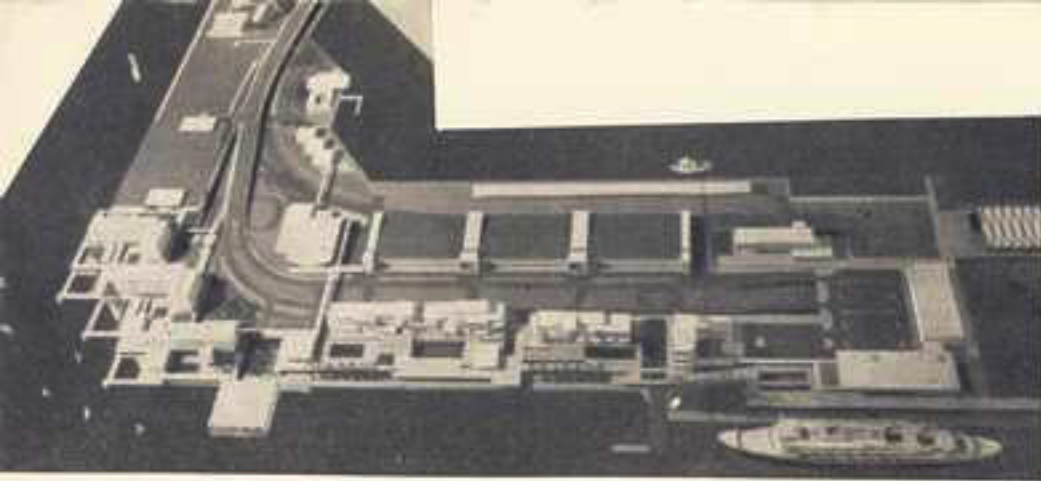
Ле Лой завещал своему народу свято хранить независимость. На берегу озера установлена доска, где дважды в сутки, утром и вечером, вывешиваются цифры, обозначающие сбитые американские самолеты. Их число уже давно перевалило за две тысячи. Победный счет продолжает расти.

Н. СОЛНЦЕВ,
специальный корреспондент «Кругозора»

Ханой.

Фото автора.

Я иду по Варшаве. Думаю над строчками Туэйма «Варшава в 2000 году».

«В год от разрушения города пятьдесят шестой. Вспомнят тебя в кругу молодежи. Старик, сегодняшний мальчик. И, вспомнив тебя, оборванку, заплачет о том, что не будет прекрасней, чем эта, пусть горем убита, нуждою раздета, пускай горбата, грязна и страшна. Стоит, подобная горестной тени. Вся в траурных алтарях, как в цветах, сама пред собой преклонив колени...» — Так писал поэт в 1946 году.

Город был прекрасен. В 44-м его не стало... Сегодня я иду по прекрасной Варшаве.

Архитектор Здислав Грыняк — один из тех, кто строит все, что я вижу вокруг. Разговариваем так: он по-польски, я по-русски. Но все понятно. Много общих, похожих слов. И еще: мы одного поколения. Детство — война, юность — начало мирной жизни. Пожалуй, это то самое поколение, что осуществляет живую связь «двоевальной» и «послевоенной» эпох.

Грыняк рассказывает о польской архитектуре, ставшей предметом экспорта. Первая премия на конкурсе университетского здания и колледжей в Дублине; указана была лишь площадь и ландшафт — старые деревья и несколько прудов. На Кубе, в райо-

*

ВАРШАВСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

*

не Плайя-Хирон, из моря выходят гранитные глыбы — элемент памятника революции, решенный польскими архитекторами.

Возле красавицы Венеции, там, где мост соединяет город с сушей, образовался искусственный остров — Транкетто. Здесь надо создать единый ансамбль в духе старой Венеции с чертами новой архитектуры. По проекту победителей конкурса, среди которых и З. Грыняк, уже начинается строительство. (Фотография макета — сверху слева.)

Новый Скопле, реконструированный центр Софии, театр оперы и балета в Мадриде — все это польский экспорт мысли и вкуса...

...Поднимаюсь по лестнице старого дома. Даже не дома, а по-

лудоме. Рядом поросшие травой остатки фундамента — следы войны. Издательство «Праса».

Лестница крутая. Замедляю шаг, внимательнее всматриваюсь в плакаты на стенах. По существу—это короткий рассказ о жизни Польши с того самого дня, когда был разрушен дом...

Через несколько минут этот рассказ продолжает главный редактор политического отдела Леон Журавский. «Вообще возраст польского плаката,— говорит он,— довольно почтенный — около семидесяти лет. Пожалуй, сейчас нет ни одного значительного события политической, экономической и культурной жизни Польши, о котором не рассказал бы плакат. Он терпеливо поджидает своего зрителя на улице, на вокзале, на эзводе, в парке, сиделает среди всех тем главную, делает ее злободневной. Польский плакат сегодня получил всеобщее признание. С успехом прошли выставки в 120 странах. Это радует. Некоторые критики уже говорят о возникновении польской школы плаката. Но определению «школы» не так просто найти обоснование. Это, по-моему, еще не школа — скорее общая графическая манера разговора со зрителем. Одна из последних тем, которой занимались наши художники,—50 лет Октября...».

Это было лишь начало встреч с людьми, искусством и музыкой прекрасной Варшавы (продолжение — на шестой звуковой странице).

Варшава стремится в 2000 год.

Л. КРЕНКЕЛЬ

В а р ш а в а.

Фото
З. Семашко.

Вспоминаю голоса:

— Я утром ее видела; она к директору заходила, отпрашивалась к зубному врачу... А потом вдруг слышу крик нечеловеческий...

— Я сорвала с нее одежду, вся раскаленная она была. Я и вылила на нее холодную воду. Откуда мне знать, что нельзя холодной...

— Когда я увидела ее мать у нас в больнице, я решила пусть сама здесь останусь, а ее спасем!..

«Если бы она умерла в двадцать четыре года, она никогда бы не увидела эту реку, перекинутую полами мостов и безязыких львов Цепного моста, ловящих в пустоту каменного зева гул, срывающийся с холмов Будапешта — она жила далеко от Будапешта и могла не увидеть его никогда» — Это уже думаю я, идя по Будапешту.

«Маргит Банки, 24 лет, кухонная работница Дьёрьского инструментального завода, 11 марта 1966 года в 11 ч. 25 минут, во время работы упала в чай с кипятком. Получив ожоги третьей степени, была отправлена в местную больницу (11 ч. 29 мин.), а потом — в отделение ожогов Будапештской больницы по улице Куи. Состояние критическое». Примерно такая запись сделана в истории болезни, которую вел доктор Петер Мадаи, 42 лет, главный врач отделения. Что касается доктора Мадаи, то его критические часы и минуты нигде не зафиксированы. Равно, как и состояние. Хотя именно эти обстоятельства и нуждаются в освещении. А также минуты и часы жизни Эндре Пана, 38 лет, коммуниста, председателя производственного кооператива «Фок-Дем», и Держы Бартфая, беспартийного, рядового инструментальщика того же кооператива. И их состояние.

Не знаю, было ли известно Петеру Мадаи о том, как через двадцать минут после объявления о несчастии по местному радио города Дьёрь пришел первый человек, предложивший свою кровь Маргит, а через полтора часа — 150 добровольцев. Вероятно, известно, потому что Маргит все-таки «дотянула» до Будапешта. Но и это обстоятельство не расположило доктора к органам информации — радио и печати: очень уж его дожимали журналисты. А доктору было не до них: 70 процентов поверхности кожи было сожжено. Мадаи знал, что скоро кожа начнет отмирать и девушка погибнет.

Но журналисты приходили и звонили. Разумеется, мы все делали бы то же. Я бы тоже звонила.

БАЛЛАДА О СВЕРХ- УРОЧНОЙ РАБОТЕ

— Это опять Калман Вандор из газеты «Непсава». — Мадаи и так узнал голос: он был, пожалуй, самым неотступным. — Нельзя ли чем-нибудь помочь?

Мадаи постарался скрыть усталое раздражение.

— Ее может спасти только однократная пересадка собственной кожи. А у нее здоровой кожи...

— И ничем нельзя помочь? — Голос наконец уперся в стену.

— Если у вас есть достаточно свободного времени, вы можете слетать в Америку и купить аппарат для растяжки кожи, там недавно придумали такой, — невесело пошутил доктор.

— Я попробую, — сказал голос. Мадаи вспомнил: на международном съезде хирургов в Эдинбурге он видел такой аппарат, даже прихватил рекламный листок. Но если и заказать аппарат немедленно, он опоздает...

— Это опять Калман Вандор, — сказала трубка через час. — Мы нашли производственный кооператив, который постарается сделать прибор.

Так они встретились: Мадаи, Пап, Бартфай.

Сама по себе мысль постронить прибор по фотографии в рекламном листке размером в спичечную коробку нелепа. Сделать это за несколько дней — фантастично: на постройку прототипа по чертежам уходит полгода.

Так начались минуты и часы, не обозначенные в истории болезни. Но если их размечать для этих троих людей, в графе «Сон» можно было бы поставить прочерк. А в графе «Сверхурочная работа предприятия» «Фок-Дем» — цифру, превышающую производительность рабочего дня. Для всего предприятия.

Через четыре дня Мадаи увез в больницу аппарат. Все были на заводе, когда по радио сообщили об этом. И тут же Мадаи позвонил из больницы.

— Аппарат не годится. — Это все, что он произнес.

Теперь можно подумать о состоянии людей, тоже не отмеченном в истории болезни Маргит Банки.

Пап сказал мне об этом: после радиосообщения и звонка Мадаи оно выразилось лаконично: «Позор и отчаяние».

Но еще через четыре дня был готов новый образец...

Я уже записала в блокнот: «Линозные». Но Пап покачал головой: «Мы просто плакали. Мужчины, здоровые мужчины, выдавшие всякое, плакали». И я не знаю, какое слово нужно вписать в историю болезни, заполняемую мной сейчас.

Потом делегация «Фок-Дем» приехала в больницу. «К нашей девочке», — говорили тут. Люди привезли ей цветы, и Маргит видела цветы подробно — до хрустящих прожилков в лепестках, хотя слезы залились по ее щекам. Слезы — это достоинство живых...

Она была жива. И семь месяцев в больнице в истории болезни записались ее боли и первые краткие движения. И это тоже пишут — о живых.

Сейчас, идя по набережной Дуная, я глядела на каменные точеные шлемы Рыбацкого бастиона и думала: «Она жива и может видеть их».

И еще: «Социализм — это не просто общественная формация — это новые нравственные нормы, при которых чувство человеческого братства становится важнейшим неоплаченным сверхурочным трудом, рыска»...

Пожалуй, все. Дальше — жизнь.

Галина ШЕРГОВА

Будапешт.

ИЗ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ

Андон ЗАКО-ЧАЮПН

пастушья дудка

Слушай, дружище, послушай
Песенку дудни пастушьей!
Дрогнет пастух наш от стужи,
Пояс подтянет потуже.
Встал он, бедняга, с

рассветом —
Помни, дружище, об этом, —
Бродит, одетый в холстину,
Должен пасты нам снотину,
Должен снотину пасты —
ти-ти-ти...

Пусть мое стадо пасется,
Пусть моя песня несется,
А умереть мне придется —
Доброе слово найдется.
В честь пастуха, что годами
Бродит в горах со стадами,
Вы его в дом пригласите,
Вкусной еды принесите,
Должен он снот вам пасты —
ти-ти-ти...

В праздник баранов колите,
Словом гостей веселите
И пастуха похвалите.

Перевел с албанского
Д. Самойлов

БО ЦЗЮИ-И

В деревне ночью

Под инеем ночью мерцает
трава,
Цикады кричат и кричат.
На юг от деревни, на север —
нигде
Прохожих не видно людей.
Одни выхожу за ворота свои,
Гляжу на луга и поля.
Сияет луна, и гречихи под ней
Цветы — словно выпавший снег.

мне жаль цветов

Жалость каная — прекрасным
и нежным
Самое время цветенья.
Только недавно бушующим
ветром
За ночь сорвало их с веток.
Резвая иволга утром сегодня
В старых местах побывала.
Множество слов, что она
накричала,
В голых деревьях осталось.

Перевел с китайского
Л. Эдлин.

За двадцать четыре дня промышленность Коре́йской Народно-Демократической Республики выпускает столько же продукции, сколько выпускало страной в 1944 году.

Во время японской оккупации в Северной Корее не было ни одного высшего учебного заведения. Сейчас их 98.

Женщины КНДР, имеющие двух и более детей в возрасте до 13 лет, заняты на производстве 6 часов. Зарплата им выплачивается как за восьмичасовой день.

В 23 тысячах детских яслей республики воспитывается 900 тысяч детей.

В стране действует закон об обязательном 9-летнем обучении. Сегодня во всех отраслях народного хозяйства работает свыше 430 тысяч специалистов с высшим и средним образованием. После освобождения в стране было 900 инженеров и 4 тысячи техников.

Во время войны на улицах Пхеньяна взорвалось 428 тысяч американских бомб. Город отстроен заново.

Самые популярные виды спорта в республике — коньки, тяжёлая атлетика, волейбол, горные лыжи, водные лыжи.

Промышленность республики экспортирует: электромоторы, трансформаторы, точный инструмент, велосипеды, электробытовые приборы, косметику и парфюмерию, троллейбусы, цемент, стекло, радиоаппаратуру, башенные краны, фарфор и, конечно, традиционный женьшень.

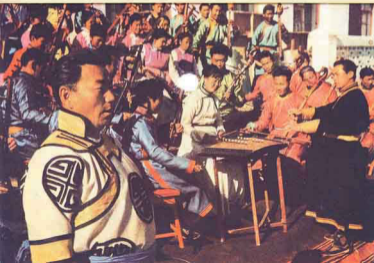
утро республики

Первыми в гвардии Наммурун на оборонили. На ее территории рядом с многоэтажными зданиями была выкопана «Защита».

Намбурун оказалась втянутой во вихрь событий революции 1921 года. В этот же год в Улан-Удэ создавались первые школы, больницы, школы, на фоне Намбурун постепенно складывалась новая жизнь. В то время жили в условиях дикого, но нового общества. Однако люди в конечном итоге пришли к мысли, в Улан-Удэ, провозгласить большевистскую партию советского.

НАЧАЛО ДИНАСТИИ

Город повторил Нямсураи. Она часами смотрела на нарядные здания, мчалась на своей лошади к берегу реки Толы, где строился в ту пору промкомбинат — первенец монгольской индустрии. И шутя кто-то из строителей сказал: «Зачем смотришь, иди помогай!» В эту минуту решилась ее судьба.

Впервые в своей жизни Нямсураи выступила на митинге, когда началась Великая Отечественная война. Ткачиху уже знала вся фабрика: в грозные дни Халхин-Гола она работала как одержимая. Она говорила на митинге о помощи, которую оказывали советские

«люди своим монгольским братьям. Теперь настал наш черед, наша продукция идет на советский фронт...» Первым человеком, выполнившим норму на 250 процентов, была Нямсураи.

В 1943 году из Монголии на фронт выехавшая делегация для вручения советским воинам подарков. Рабочих промкомбината представляла Нямсураи. Вот тогда-то, на передовых, она и получила медаль «За отвагу».

— Скоро вот на пенсию идти, — закончила свой рассказ Нямсураи. — А не хочется! Здесь частичка моего сердца. И мой сын Долгор. Только образование у него повыше: закончил техникум. А это — уже начало рабочей династии...

Г. ДРУЦКОЙ

Улан-Батор.

На снимках В. Хоменко: гостиница «Баянгол» в Улан-Баторе; комбайны госхоза «Хорхорин»; выступление певца Ц. Пурэвдоржа.

герои и вдовы

Всем, кто знает, как началась первая мировая война, я хочу напомнить строки, выцарапанные в тюремной камере гвоздем на глиняной чашке, — единственное стихотворение Гаврилы Принципа: «Кто хочет жить, пусть умирает, кто хочет умереть, пусть живет».

Всех, кто видел на горе Авале, близ Белграда, памятник Неизвестному герою работы Изаака Мештровича, я прошу вспомнить лица вдов, держащих на голове черный круг горя.

Тем, кто бил с гор фашистов, — им не надо напоминать. Они помнят.

Самое псразительное в югославских горах — это горы. Серые, ставшие дыбом, ошетилившиеся лесом, они неприступной стеной обрываются в море. Это беспокорство линий волновало юного даламатинца из села Отавица: Мештрович писал стихи, слушал песни, помогал отцу — мастеру по дереву и камню. Тогда не щелкнул еще романтический сараевский выстрел, пробудивший пушки, и террорист «Молодой Боснии» Принцип в ожидании суда еще не вглядывался из-за решетки в такие

близкие, домашние горы, не вслушиваясь в наивную абсурдную, совсем не героическую первую мировую войны. Спустя десятилетия, незадолго до смерти, всемирно известный Мештрович приедет из Америки в Сплит, увидит горы, скажет: «Сколько можно еще из них сделать!...»

Всю жизнь с крестьянским упорством создавал он два образа: героев и вдов. Тяжелая лестница на Авале уходила в небо — в самую желанную свободу, но там, на ее пороге, — плита и женщины с опущенными руками и поднятым взглядом. Это мать Мештровича. Но такой же взгляд и видел из фотографии другой крестьянки — матери Принципа и у женщины в черных платках и черных платьях в партизанском селе Междуводье. Нет, не хватило бы сил и даже таланта гениального художника, чтоб оставить заслуженную память о всех, о тысячах и тысячах. Но они есть — памятники-крылья, солдатские звезды, доски с именами. Лица, лица, лица. Пятьсот лиц, пятьсот пар молодых глаз в музее Мостара. И трагический след самолета с освободителями Белграда, оставшийся двадцать лет спустя на каменной груди Авалы.

«Да. — Пятьсот югославских героев в музее Мостара обращаются к входящему букавами на стене. — Мы погибли и дали вам вечный огонь... Мы и теперь не молчим, мы свое слово сказали вперед...»

А первый обелиск всем живым и павшим — сами горы. Те, что в годы побед, поражений и новых побед, пока на полях России решалась судьба Европы, ошетились винтовками, пулеметами, пушечными, пушками, косами...

Памятники говорят: помните! горы говорят: не забывайте!

Горы обрываются в южное море. Отсюда, из верхи Сплита, от мрачных колонн галереи Мештровича, ушли в Черное море белые танкеры.

«Олеко Дундич». «Маршал Биризов». «Генерал Жданов».

Е. ВЕЛИСТОВ

Белград — Сплит.

«Моя молодость началась в песни «Вихри враждебные». Вся моя жизнь — война».

Так говорит семидесятилетний крестьянин Весин Коста (пятая звуковая страница).

Здесь приведены отрывки из рассказов, писем, дневников югославских товарищей, которые помогают московскому и белградскому телевидению создавать фильм «Братство по оружию».

Карманная газета 7-й Сербской ударной бригады. Синие, размытые временем буквы: 1 октября 1944 года. Военные сводки: Красная Армия пришла на помощь и ведет бои совместно с частями Югославской народной армии. И между страничек сводок в газете «Глас» — призыв поэта-партизана Драгана Петровича: с победами Красной Армии настал светлый час свободы.

Солнцу навстречу восстаньте,
рабы!
Довольно жить, кандалами звеня!
Не ждите свободы от судного дня —
Вы сами хозяева вашей судьбы.
Из грязи и мрана восстаньте,
рабы!

Бора-длинноножка принесла школьное сочинение: «Почитайте, пожалуйста». И убежала во двор играть с мальчишками.

В этом сочинении была фраза: «Фашисты пришли и стреляли в

1945 год. Стрелы Победителей.

сгоревшего человека, который мог лишь смотреть...»

— О ком пишет ваша дочь? — спросили мы Гордану Ковачевич.

— О танкисте, который первым ворвался в Белград.

— Беспалов?

— Нет, другой, Иван. Все это произошло в нашем доме.

Гордана Ковачевич вспоминает:

— Я была еще маленькая, как Бора. В октябре сорок четвертого все ближе и ближе слышалась канонада, мы прятались в подвалах. Помню, вбежал кто-то из мальчишек: «Русский танк!» Когда мы выскочили на улицу, танк полыхал. От машины отделился горящий человек и упал. Взрослые потушили на нем одежду, перенесли в дом... Танкист стонал: «Мама, мама!» Позже он сказал, что зовут его Иван, и попросил передать его орден своим. Желкие капли драгоценного масла — вот все, чем

мы могли облегчить его страдания. Потом в дом ворвались фашисты... Танкиста Ивана похоронили вместе с другими советскими героями — освободителями Белграда.

Лазар Любинкович, Председатель Социалистического союза трудового народа общины Земун:

«В 1944 году Красная Армия вела бои в Румынии, приближаясь к Дунаю. Враг спешно готовился к эвакуации. Наша бригада встретилась с передовыми советскими частями во время боев за освобождение Нового Сада. В районе Батина Склела произошла знаменитая битва с фашистами. Советские и югославские бойцы форсировали Дунай и прорвали оборону противника... В память о годах боевого братства остался именной браунинг. Его подарили мне два друга — советские офицеры. Браунинг хранится в музее народно-освободительной борьбы».

Белград.

Светлик МИТИЧ,
редактор Белградского
телевидения,
Александр ПЛЕВАКО,
корреспондент Всесоюзного
радио

**БРАТСТВО
ПО
ОРУЖИЮ**

Гляди —

жизнь вырвалась на волю;
по откопанным дорогам люди
шагают и завтра;
тот, кто страдал,
поет...

Эберто ПАДИЛЬЯ,
кубинский поэт.

Фото Н. Колынов.

первый день

Л. АШКЕНАЗИ

Лучше всего спится сразу после войны. Перед войной на душе беспокойно. Будет? Не будет? Откроешь окно. Над городом мечутся щупальца прожекторов.

И под дождем, не ведая куда, идут грузовики. Кто-то разорвется по радио, а в перерывах играют марши. В сейфах, в тройных засургученных папках, наготове планы мобилизации.

Что-то тебя будит; все наметается, что разжигают небеса...

В войну тоже недоспишь. Обязательно что-нибудь стрясется. Залает пулемет, ухнет мина, мусанет вошь.

А то нашу не подвезут, воды в окопе по колено. Или еще: артподготовка. От нее тоже проснешься.

А когда выдастся полная, совсем безмолвная тишина, тут тебе вдруг оторвет ногу. И опять пропал сон.

Не удивляйтесь, пожалуйста. Всю жизнь жил с двумя, и вдруг — на тебе: одной как не бывало! Тут уж не заснешь просто с непривычки.

Лучше всего спится в первый день, когда кончится война.

Соловьи — и те вас не разбудят.

Штатские в такой день сбиваются с ног, а солдат завалится где придется. Лишь бы над ухом не звонил будильник. И еще не будил солдата телефон.

А видит он во сне друзей, которые заснули, чтобы никогда не проснуться.

Они ему снятся чаще всего.

В первый день после войны не очень-то хочется просыпаться.

Проснешься и не знаешь: смеяться, что все это пережил и выжил? Или плакать?

Перевод с чешского.

слушай музыку камня

Вновь брожу по древним улицам, пытаюсь понять тайну власти этого города над человеческим сердцем. Серебро Влтавы, золотая корона Градчан, кипень готических башен, и повсюду — голубые знамена со сирпичным ключом — эмблема «Пражской весны». Музыка тесно в залах, и симфонии Моцарта, зазвучавшей в саду виллы Бертрампа, где жил и творил композитор, вторит щебет птиц — неожиданное «дополнение» к партитуре. Громада собора святого Вита встречает гулом органа и звучанием симфонического оркестра: здесь сегодня концерт. В тихом зале музея — музыка средневековья. А афиши — на десятки метров, да еще продолжают за углом. Театры, концертные залы — в осаде. Билеты порой заканчиваются с января.

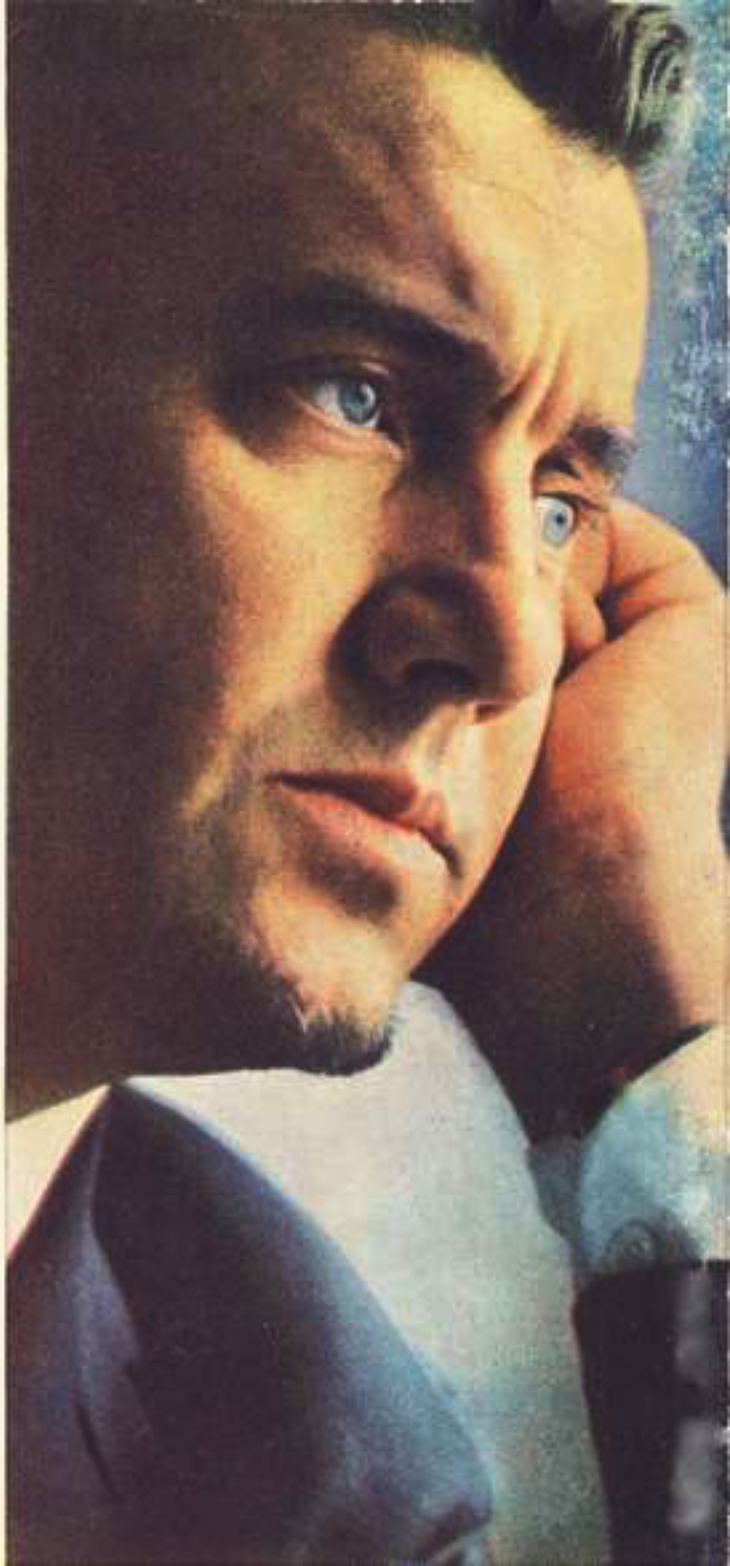
Первой «Пражской весной» считают девятое мая сорок пятого года. «Вступили, как бойцы из легендарных хроник! Победа к нам пришла, поют лады гармонии. О песни русские! Здесь каждый — ваш поклонник!» Так сказал Витезслав Незвал.

Год спустя в Доме работников искусств прозвучали впервые позывные международного фестиваля, девизом которого стал светлый лозунг: «Через музыку — к миру и дружбе народов».

Прага 1967 года посвятила свой музыкальный праздник 50-летию Октября. Главное место в программах — советской музыке.

НИИ. САВИНОВ

Прага.

ОЧЕНЬ БОЛГАРСКИЙ ГОРОД

Вы правы, проиллюстрировав болгарскую страницу журнала наскальным рисунком и изображением города Тырново. Это древняя столица Болгарии, очень болгарский город. На протяжении столетий привычки и обычаи меняются. Но Тырново был одним из центров, где сохранялись наши древние обряды, облик наших домов и, наконец, сам воздух древней Болгарии. Город изумительный. Вроде бы архитекторы и строители не хотели, чтобы он получился большой. Да это и не нужно. Потому что весь он расположен амфитеатром, уступами поднимается вверх. Дома с чердаками словно шагают по ступеням, а когда оглядываются, видят свое отражение в зеркале реки Янтры. В рядах этого каменного амфитеатра рассыпаны церкви, остатки крепостных стен, памятники. И думаешь с признательностью о тех, кто берег и бережет все эти чудеса, о тех, кому пришла счастливая мысль объявить Тырново национальным музеем, кто любовно поддерживает и подновляет красоту.

Природа у нас хороша, но и к ней прикасается рука болгарина. Возьмите Золотые пески. Там же ничего не было. Карандаш архитектора, лопатка каменщика, мысль организаторов слились воедино, и творческая энергия народа, развернувшаяся в последние двадцать лет, преобразила пустынный берег. Современные формы домов переплелись с причудливыми изгибами старых деревьев.

Прекрасен город Тырново, великолепны Золотые пески, но для меня нет лучше места, нежели мой родной Велиград. Это в южной части Болгарии, в Родопях. Мой город носит имя партизанно-комсомольки Велы Пеевы, погибшей в 1943 году. Раньше это место называлось Лызжене. «Ылмджа» по-турецки — «теплая минеральная вода». Там больше ста источников. Велиградское лето не жаркое, а зимой здесь падают мягкие хлопья снега.

Когда я в детстве слушал в горах женское четырехголосое пение, мне казалось, что это — журчание источников. Это было замечательной звучности пение. Движение голосов очень сложное. Там можно различить такие интервалы, как тритон или секунда. Причудливые ритмы, скажем, три седьмых, потом три одиннадцатых, затем три девятых... Если вы не родились здесь, в этих местах, если у вас этот ритм не в крови, то вас охватывает чувство непонятного удивления перед фантастическим богатством музыкального мышления наших народных певцов.

Николай ГЯУРОВ,
народный артист НРБ,
лауреат Димитровской премии

Николай Гяуров продолжает рассказ на последней звуковой странице.

СЕЛЬСКАЯ СВАДЬБА

Сельская свадьба в Румынии — это три дня и три ночи веселья, плясок, хмельного пира. Если снимать свадьбу для кино, лучше всего использовать цирюльнику: действие происходит одновременно на дороге и в доме, у колодца и под яблоней.

Вначале жених и невеста в разных домах. Невеста наряжается, грустит в песне о подругах и семье, а в это время жених совершает обряд бритья под бранной речитатив. Два свадебных поезда подкатывают к дому — с гинаньем, веселыми куплетами, пальбой из ружей. До того, как общий стол соединит молодую пару, жениху подсовывают вместо невесты то ребенка, то старуху. Но вот пошла песня голубцов, песни жаряного, песни капусты. И тосты. Сиди, молодая жена, да набирайся ума-разума. Слушай!

Невестанька, свет душа!
Коль свекруха хороша,
На руках ее носи
От напастей береги,
А коль баба будет злиться,
Ею пол мети в светлице,
Да и двор, коли годится.

В. ГАЙДАМОВИЧ

Бухарест.

Кругозор
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

слушайте

в

номере:

**Издатель:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР**

На первой и четвертой страницах обложки фото А. Лидова. На второй странице обложки плакат польского графика М. Мосинского.

*Редакция благодарит
товарищ из
радиовещательных
организаций
социалистических
стран
за помощь
в подготовке
этого номера...*

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.**

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны
редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59.

В 04528. Подп. и печ.
21/VI 1987.
Формат бумаги 84×109^{1/8}.
Усл. печ. л. 1,68.
Тираж 250 000 экз.
Заказ 2081.

1—2. Голоса нашей общей биографии. У микрофона — столицы стран социализма.

3. Звуковая страничка, наговоренная и напетая детьми разных стран, но на одном языке.

4. «Между тревогами». Из вьетнамской тетради Евгения Долматовского. Читает автор.

5. Две войны в жизни товарища Кочи.

6. Варшавские аккорды. Музыкальные интервью города.

7. Весеннее зеркало Праги: от средневековья и XX века.

8. Наш гость Николай Глузов продолжает рассказ о голосах болгарских певцов (народная песня «В путь») и исполняет арию Галицкого из оперы А. Бородин «Князь Игорь».

9—10—11. Песенный турнир. Семь популярных мелодий. Поют: Иоанна Равин, Франк Шабель, Карел Готт, Лили Иванова, Ласло Арадски, Арсен Дедич, Маргарета Пыслару.

12. В конце номера: песни по кругу. «Танцуем вместе» (поет Г. Чохели); сюрприз эстрадного оркестра Чехословацкого радио; «До свидания!» (Лариса Мондрус и немецкий певец Инго Граф — дуэт на двух языках).

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

турнир песен

Ласло Арадски

Маргарета Пыслару

ФРАНК ШЕБЕЛЬ,

Арсен Дедин

Карел Готт

**ИОАННА
РАВИК,
ЛИЛИ
ИВАНОВА**

Победители песенных конкурсов определяются по-разному. В одних случаях заседает солидное жюри, в других судьбу певца и песни решает публика, в третьих — специальные счетчики, фиксирующие продолжительность и навал аплодисментов. В конкурсе «Кругозор» все решает «накал» и количество ваших писем.

На 9-й, 10-й и 11-й звуковых страницах вы услышите песни и популярных певцов семи стран. Послушайте

их и решите кто победитель в песенном турнире «Кругозор».

В турнире принимают участие: Иоанна Равик (Польша), Маргарета Пыслару (Румыния), Ласло Арадски (Венгрия), Арсен Дедин (Югославия), Франк Шёбель (ГДР), Карел Готт (Чехословакия) и Лили Иванова (Болгария).

О лауреате нашего конкурса мы расскажем подробно в одном из ближайших номеров журнала.

Цена 1 руб.

МОСКВА
ПРЕМЕТЬЕВА